

НИКИТА КЛИМОВ

«Расследования Веры Лапиной»

БЕЗ ЧЕТВЕРТИ ТРИ

Никита Климов

Без четверти три

<https://litres.ru/74670368>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ноябрьское утро на пороге часовой мастерской «Липин и время» в тихом волжском городке Заволжске появляется пожилой иностранец с тростью и кладёт на верстак бывшего следователя Веры Лапиной старинные золотые часы «Брегет» с четвертным репетиром. Их стрелки намертво застыли на отметке без четверти три — в ту самую минуту в ноябре 1945 года, когда на обледенелом причале Заволжска бесследно исчез дед иностранца, офицер-искусствовед Константин Осоргин, сопровождавший секретный эшелон спасённых музейных сокровищ.

Вскрыв золотой корпус, Вера обнаруживает внутри ремонтную метку своего покойного отца за 1978 год: «Не трогать» — и свёрнутую папиросную записку под стальным гонгом репетира. А наутро местного антиквара, продавшего эти часы в Европу, находят мёртвым у подножия старой водонапорной башни, и его разбитые наручные часы тоже показывают без четверти три

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Стрелки из чужого века	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Никита Климов

Без четверти три

Пролог

**Заволжск. Старый грузовой
дебаркадер. 14 ноября 1945 года. 02:45**

Волга в ту ночь не текла — она тяжело ворочалась под тонким свинцовым салом первого ноябрьского льда.

Мокрый снег бил наискосок в слепые слюдяные оконца пристанской конторки, налипал на брезентовые чехлы ящиков с надписью «Государственный фонд. Ленинград — Дрезден. Осторожно, хрупкое» и шипел на раскалённом стекле керосинового фонаря «Летучая мышь».

На обледенелом дощатом настиле третьего створа стояли двое. У одного — гвардии лейтенанта с выцветшими погонами на шинели и тяжёлой полевой сумкой через плечо — в левой руке на серебряной цепочке покачивались старинные золотые часы.

Он только что откинул крышку, чтобы сверить время перед отправкой телеграммы в комендатуру, и в жёлтом кру-

ге света от фонаря блеснули тонкие вороненые стрелки с яблочками на концах. Без четверти три.

— Ты не отправишь этот рапорт, Костя, — хрипло сказал второй, кутая шею в гражданский башлык поверх ватника и делая шаг вперёд из тени брезентовых тюков. — Война кончилась. Кто там в Москве вспомнит про три ящика из разбитого немецкого замка? В ведомости написано: сгорели при бомбёжке под Кёнигсбергом. Подпиши акт — и завтра уедешь к дочке в Ленинград живым.

Лейтенант медленно закрыл крышку часов, но убрать их во внутренний карман не успел.

— Я три года под пулями эти списки в планшете носил не для того, чтобы ты ими печку топил, Витя, — тихо ответил он. — И не для того, чтобы мы у мёртвых воровали.

Удар багром пришёлся не в грудь — в плечо, по касательной, но каблуки кирзовых сапог скользнули по обледелому краю дебаркадера, выкрашенному густой синей краской. Лейтенант инстинктивно выбросил руку вперёд, пытаюсь ухватиться за чугунный причальный кнехт.

Золотой корпус часов со звонким, коротким хрустом ударился о чугун и сорвался с лопнувшего звена цепочки, оставшись лежать на синем от инея дереве настила. Чёрная вода внизу сомкнулась почти без всплеска.

Человек в башлыке долго смотрел вниз, в прорубь между брёвнами причала, тяжело и рвано дыша. Потом медленно опустился на колени, поднял остывающий золотой кружок и

поднёс к самому лицу.

Под треснувшим стеклом циферблата тонкая секундная стрелка дёрнулась в последний раз и замерла.

На часах было без четверти три.

Часть первая. Стрелки из чужого века

**Заволжск. Мастерская «Лапин
и время». Понедельник. 09:15**

Утро в мастерской на Спасской улице начиналось с трёх звуков: сухого, с лёгким старческим придыханием боя настенного «Густава Беккера» над дверью, тяжёлого, размеренного шага напольных часов в углу и густого, вибрирующего мурлыканья кота Маятника, который грел пушистый серый живот на тёплом системном блоке старого компьютера под столом.

Вера Лапина сидела за отцовским дубовым верстаком, вкрутив в правую бровь чёрный эбонитовый окуляр четырехкратной лупы, и тонким пинцетом снимала анкерную вилку с дамских часиков «Заря».

На её груди, под воротом тёмно-серого шерстяного свитера, в такт собственному пульсу тикали старые серебряные часы на цепочке — подарок Ефима Ильича Баркова. Пятнадцать лет они молчали, застыв на отметке два сорок, как напоминание о старых ранах, и только неделю назад, когда старый мастер по прозвищу Сверчок передал ей из следствен-

ного изолятора новую заводную пружину, часы ожили.

Вместе с ними что-то медленно, со скрипом оттаивало и в самой Вере. Прошло три недели после истории в музее «Сомовский дом» с поющей серебряной птицей Бреннера и гибелью профессора Лещинского. Дело закрыли, невинного сторожа Грачёва и Павла Минаева отпустили, а на столе рядом с латунной маслёнкой и остывающим стаканом чая с кружочком лимона лежал проект договора внештатного консультанта, который вчера вечером принёс капитан Глеб Стрельцов.

Вера ещё не поставила под ним подпись. Пять лет назад ошибка в деле Минаева стоила невинному человеку двух лет лагеря, а ей самой — погон следователя и спокойного сна. Возвращаться туда, где цена ошибки — человеческая судьба, было страшно.

Дверной колокольчик над входом тихо звякнул, впуская с улицы сырой ноябрьский ветер, пахнувший мокрым известняком и близкой Волгой.

На пороге стоял высокий, сухопарый пожилой мужчина лет семидесяти восьми в длинном графитовом пальто европейского кроя, с седым ёжиком волос и тростью из тёмного ясеня. Он обвёл мастерскую внимательным взглядом светло-серых глаз, остановился у верстака и с лёгким немецким акцентом произнёс:

— Доброе утро, фрау Лапина. Мне сказали в музее, что вы умеете находить то, что потеряно во времени.

Он достал из внутреннего кармана замшевый кисет, развязал шнурок и бережно положил на зелёное сукно верстака тяжёлые золотые карманные часы с гильошированным циферблатом.

Стрелки часов стояли на без четверти три.

Заволжск. Мастерская «Лопин и время». Понедельник. 10:05

Вера не спешила брать часы в руки. Сначала она посмотрела на гостя — на то, как его длинные, в старческих веснушках пальцы вцепились в набалдашник трости, выдавая волнение, которое он изо всех сил старался скрыть за вежливой сдержанностью.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала Вера, придвигая к верстаку венский стул. — Хотите чаю с лимоном? На улице сегодня промозгло.

— Благодарю вас, не откажусь. Меня зовут Генрих Фогель. Я прилетел из Мюнхена три дня назад, а вчера вечером приехал в ваш Заволжск на поезде из Казани, — старик сел, поставив трость между колен. — Эти часы не нужно заводить или пускать в ход, Вера Андреевна. Я хочу, чтобы вы открыли их и сказали мне, когда и почему они остановились. И кто держал их в руках до меня.

Вера надела чистые хлопковые перчатки, взяла золотой

корпус на ладонь и сразу почувствовала благородную, плотную тяжесть старого золота семьсот пятидесятой пробы и сложного механизма внутри.

— «Брегет» с четвертным репетиром и парашютной противоударной подвеской баланса, — негромко произнесла она, поднося часы к лупе. — Около тысяча восемьсот двадцать четвёртого года. Парижская мастерская на набережной Орфевр. Но стекло не родное — минеральное стекло треснуло от сильного бокового удара по ранту в районе двух часов.

— Я купил этот «Брегет» месяц назад на закрытом антикварном аукционе «Доротеум» в Вене, — глухо сказал Генрих Фогель. — Я искал его по номеру корпуса сорок лет. Эти часы принадлежали моему деду, лейтенанту Красной армии и искусствоведу Константину Сергеевичу Осоргину. В ноябре тысяча девятьсот сорок пятого года он сопровождал секретный груз эвакуированных музейных ценностей по Волге, сошёл на берег здесь, в Заволжье, и пропал без вести.

Вера осторожно поддела ногтем часового ножа замок задней крышки и пыльника. Золотая створка откинулась с мягким щелчком.

И в ту же секунду сердце Веры пропустило удар.

На внутренней стороне золотого пыльника, чуть ниже заводского номера «№ 4118», тонким стальным штихелем были выведены знакомые ей с детства угловатые буквы и дата: **«А. Л. XI.1978. Не трогать»**.

Это было личное ремонтное клеймо её покойного отца,

Заволжск. Мастерская «Лапин и время». Понедельник. 11:20

Кот Маятник спрыгнул с системного блока, бесшумно прошёл по половицам и сел у ноги Фогеля, задрав круглую морду к верстаку.

Вера долго молчала, разглядывая механизм под десятикратной лупой. Перед ней лежал шедевр старого часового искусства — и одновременно немой протокол давнего преступления.

— Ваш дед не просто уронил эти часы, господин Фогель, — тихо заговорила Вера, указывая кончиком пинцета в глубь мостов механизма. — Смотрите: спираль баланса заклинена крошечным клинышком треснувшего стекла, который вошёл внутрь при резком ударе корпуса о твёрдый металлический угол, скорее всего чугунный. Стрелки встали мгновенно на отметке два часа сорок пять минут.

— Днём или ночью? — подался вперёд Фогель.

— В этом «Брегете» есть скрытый календарный диск фаз луны и суточного колеса под циферблатом, — Вера осторожно сняла минутник. — Суточное колесо стоит в ночном секторе. Это было два часа сорок пять минут ночи. Причём на ободке корпуса в щели у заводной головки застряли мик-

рочастицы речного известняка и чешуйка старой масляной краски «берлинская лазурь», какой в сороковые годы красили причальные дебаркадеры на Волге.

Она перевела дыхание и посмотрела прямо в глаза иностранцу:

— Но самое главное не это. В ноябре тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, когда мне было три года, кто-то в Заволжске принёс эти часы в ремонт моему отцу, Андрею Лапину. Отец открыл их, увидел заклиненный от удара механизм и гравировку владельца под мостом барабана, понял, что часы — улика чьей-то гибели, и отказался их чинить, оставив пометку «Не трогать». А кто выставил часы на венский аукцион месяц назад?

— В аукционном каталоге значился посредник из Праги,
— Фогель достал из кармана кожаную визитную карточку.
— Но мне удалось за большие деньги узнать имя человека, который прислал часы из России. Это житель вашего города, частный антиквар и краевед Всеволод Аркадьевич Корф. Вчера по телефону он сказал мне, что знает, где покойся мой дед и что случилось в сорок пятом году, и назначил мне встречу на завтра в старой водонапорной башне у пристани.

— В котором часу? — спросила Вера, уже зная ответ.

— Без четверти три пополудни, — ответил Фогель.

Время никогда не выбирает цифр случайно.

Ленинград — Заволжск. Эвакуационный эшелон № 14. 19 августа 1942 года. 02:45

Теплушка качалась на стыках рельсов с тяжёлым, усыпляющим лязгом, и сквозь узкую щель задвинутой двери пахло дымом паровозной топки, полынью приволжских степей и сырой речной прохладой.

Тридцатилетний искусствовед Константин Сергеевич Осоргин, комиссованный после тяжёлого ранения на Невском пятачке и назначенный уполномоченным по эвакуации спецфонда, сидел на сосновом ящике с шифром «Ораниенбаум — Эрмитаж. Опись № 14» и при свете крошечного стеаринового огарка проверял целостность сургучных печатей.

На его коленях спала шестилетняя дочка Анечка, укутанная в отцовский ватник. Вчера в Ярославле он сумел забрать её из эвакуируемого детского сада, где погибла во время артобстрела его жена, и теперь вёз девочку с собой до перевалочной базы на Волге.

Осоргин достал из кармана гимнастёрки старинные золотые часы «Брегет» на серебряной цепочке — подарок отца, старого петербургского профессора истории, — и нажал боковой ползунок четвертного репетира.

В темноте вагона тонко, хрустально и удивительно мирно пропели два стальных молоточка по внутренним гонгам: два низких удара и три двойных перезвона четвертей. Без чет-

верти три.

— Папа, это сверчок поёт? — сонно прошептала Анечка, не открывая глаз.

— Это время поёт, Анечка, — тихо ответил Осоргин, гладя её по тёплой макушке. — Пока эти часики поют у меня у сердца, мы с тобой никогда не потеряемся. А если когда-нибудь разлучимся — ты узнаешь их голос из тысячи других.

Он ещё не знал, что через три дня на узловой станции ему придётся посадить заболевшую scarлатиной дочку в санитарный вагон Красного Креста, уходящий на юг, а сам он вернётся за этими ящиками в Заволжск только через три долгих года — чтобы навсегда остаться на обледенелом причале в два часа сорок пять минут ночи.

Заволжск. Гостиница «Волга». Понедельник. 14:30

После ухода Генриха Фогеля Вера Лапина закрыла мастерскую на час раньше обычного, насыпала коту Маятнику корм в синюю фарфоровую миску и пошла пешком по мокрой брусчатке Спасской улицы в сторону набережной.

Заволжск в ноябре казался городом, застывшим внутри старого стеклянного шара со снегом, который забыли встряхнуть. Двухэтажные купеческие особняки с облупившейся жёлтой штукатуркой и чугунными козырьками кры-

лец смотрели на свинцовую Волгу задумчиво и чуть печально. Из пекарни на углу тянуло тёплым ржаным хлебом, а с колокольни старого собора ветер доносил глухой звон.

В холле гостиницы «Волга» Вера поговорила со знакомой дежурной по этажу Зоей Петровной. Оказалось, что антиквар Всеволод Корф приходил к Генриху Фогелю вчера поздно вечером, около десяти часов.

— Шумный такой, в жёлтом кожаном плаще и с тросточкой под старину, — охотно рассказала Зоя Петровна, понизив голос. — Стоял у стойки, расспрашивал, один ли приехал немец из Мюнхена и нет ли с ним юристов. А когда спускался от него по лестнице, всё руки потирал и кому-то по телефону в тамбуре звонил: «Приготовь два миллиона к завтрашнему утру, голубушка, иностранный гость клюнул на приманку, в два сорок пять у башни закрываем сделку!»

Вера нахмурилась, сжимая пальцами серебряные часы на шее: слово «голубушка» никак не подходило ни к Генриху Фогелю, ни к реставратору Артёму Снегирёву.

Значит, Всеволод Корф вёл двойную игру и шантажировал в Заволжске женщину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.